

1923.08.03. Симонетти – Пиццардо

№ 35

Москва, 3 августа 1923

Его Высокопреосвященству Монс. Дж. Пиццардо
Заместителю Государственного секретаря Его Святейшества
Ватикан-Рим

Ваше Преосвященство,

Несколько дней назад большое количество плакатов, развешанных на всех углах, призывало публику посетить диспут, который должен был произойти между последователями Тихона и его противниками в большом концертном зале. Плакаты были размещены Комитетом Живой Церкви во главе с архиепископом Введенским, который должен был выступить по поводу позиции Тихона, занятой им с начала Революции и до его последнего заявления, а также причин, которые толкнули большую часть духовенства взять на себя руководство Церковью, освободив ее от влияния этого злосчастного человека и его приверженцев.

На собрании присутствовала разношерстная толпа, заполнявшая весь большой зал, в то время как другая многочисленная толпа теснилась на лестнице, в проходах и рядом с проходами, люди проталкивались, чтобы войти. Введенский выглядел вполне уверенным в своем большом успехе. Но, по-видимому, никаких официальных приглашений последователям Тихона сделано не было, кроме лишь публичного объявления в виде плакатов. После долгого ожидания Введенский взял слово и объявил публике, что никто из противников не явился, и не его вина, что дискуссия должна проходить без них. Однако публика, похоже, не была удовлетворена этой неожиданной новостью и начала шуметь, стуча ногами по полу и крича: «Вранье, вранье, вы их не пригласили, пошлите за ними». Возник переполох, в течение которого Введенский попытался успокоить шумевшую публику, начав свое выступление, для которого ему Председателем были отведены два часа.

Среди постоянного шума и неодобрительных криков он кратко напомнил о революции Керенского и о занятой против нее позиции Патриарха. Постарался переиначить историю последующих событий, прерываемый постоянными выкриками «Хватит, хватит, нам это все известно. А что скажет Илларион, позовите Иллариона». (Речь шла о самом авторитетном епископе из последователей Тихона). «Илларион находится в таком-то месте, пошлите за ним, мы хотим его послушать». Увидев, что настаивать бесполезно, так как настрой у публики был враждебный, Введенский прервал свою речь, надеясь, что буря уляжется, но бесполезно.

Тогда он попытался успокоить толпу, попросив, чтобы ему дали договорить, стал показывать при этом свое нетерпение, которое вылилось в несколько крепких выражений в адрес публики. Это значительно усилило нервные настроения в зале, и находившиеся там уже стали выкрикивать оратору неприличные слова и иронические фразы, оглушив его шквалом подобных протестов. Тогда он, потеряв терпение, сильно стукнул кулаком по столу и повысил голос, но в ответ на такой агрессивный тон публика затопала ногами. И так продолжалось долго, до тех пор, пока он не сказал сгоряча, что, мол, кто не хочет слушать, тот может уходить. Все присутствовавшие сразу поднялись со своих мест, продолжая шуметь и протестовать, и так они стояли еще несколько минут.

Тем временем один парнишка уже сбежал к Иллариону, который находился где-то неподалеку и получил от него ответ о том, что приглашен он на это собрание не был, и что в любом случае он не видит никакой надобности участвовать в подобных дискуссиях, т.к. верующие, являющиеся его последователями, доверяют его словам и не нуждаются в оправданиях, сделанных в подобной форме.

Когда публика уже собиралась расходиться, парень, вернувшийся от Иллариона, стал рассказывать о результатах своего посольства, что вновь вызвало интерес присутствующих, они опять расселись по местам, но продолжали при этом шуметь и громко комментировать. По очереди выступали и другие ораторы, все говорили кратко минут по десять. Среди них был один рабочий, который высказался против всех церквей, он утверждал, что религия нужна, а церковь образуется самим народом, а не кастой священников. За ним выступил другой рабочий, он похвалил импульс, заданный новой церковью по отношению к религиозному движению, чем вызвал новый интерес к проблеме, которой многие уже вовсе не занимались, поэтому к новому движению он призвал отнестись положительно, серьезно изучить его. Публика несколько раз прерывала выступавших и на слова о новой церкви отвечала, что знакома с ее методами. Были слышны колкие высказывания, как например такие: «Евангелие говорит, что пастыри должны пасти овец, но мы-то хорошо знаем, как вы нас пасете, если мы не молимся там, где вы хотите, вы нас посылаете туда, куда... мы знаем. Вот как вы нас пасете. Знаем мы вас, хорошо знаем».

Многие с разных сторон стали звать архимандрита, и он поднялся на трибуну, заявив, что не может выступать по такому серьезному вопросу, потому что его на обсуждение не пригласили заранее, к тому же, он никогда бы не выступил, не имея на то благословения Патриарха. Это заявление было встречено горячими аплодисментами.

Затем была предпринята попытка продолжить дискуссию, а присутствовавшие в зале охранники вывели тех, кто особенно разгорячился, выражая свое несогласие. Однако спокойствие восстановить не смогли, и заседание закончилось среди шума и протестов, превратившись в гротеск и неприличную комедию с выступлением тех, кто ее организовал, представляя себе, может быть, фантастический успех, а успех, если и был, то достался последователям Тихона, которые правильно сделали бы, если бы и впредь придерживались достойного и сдержанного поведения, не пускаясь в игры с противниками, увлекающими их на минное поле публичного обсуждения и подвергающими их разного рода рискам и осмеянию со стороны людей серьезных и благоразумных.

Тем временем Введенский не отказался от своего намерения и объявил следующее собрание через несколько дней, диспут без противников, но с широкой дискуссией по двум церковным течениям.

На этом заканчиваю рассказ об этом эпизоде с тем, чтобы показать Вам, что происходит внутри этого политического и религиозного хаоса.

Вашего Преосвященства покорный слуга
А. Симонетти

Archivio Centrale Salesiano. ASC. D-543-II.